

НОВОСИБИРСКИЙ ВРЕМЕННОК

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

НОВОСИБИРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

№ 2 • 2022

Телефон: 8 (383) 295-21-89
Адрес редакции: 633103,
Новосибирская область, г. Обь,
Военный городок, 127
Email: npds@yandex.ru
Сайт: <https://journal.dsnsk.ru>

Учредитель и издатель: Духовная
образовательная организация
высшего образования
«Новосибирская православная
духовная семинария»
Издается с 2020 года
Номер свидетельства
Роскомнадзора Эл № ФС77-81498
от 6 августа 2021 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Протоиерей **Павел Кизюн**, ректор Новосибирской православной духовной семинарии, кандидат богословия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Протоиерей **Борис Пивоваров**, доктор богословия

Иеромонах **Мефодий (Зинковский)**, доктор богословия, кандидат технических наук

Леонид Григорьевич Панин, профессор, доктор филологических наук

Протоиерей **Александр Реморов**, кандидат богословия

Вадим Викторович Журавлев, кандидат исторических наук

Иеромонах **Платон (Флах)**, кандидат философских наук

Протодиакон **Дмитрий Цыплаков**, кандидат философских наук

Елена Леонидовна Сузрюкова, кандидат филологических наук

Евгения Владиславовна Комлева, доктор исторических наук

УДК 281.93

Евсюков Дмитрий Евгеньевич

Историк-краевед, магистр экономики, член СВРТ (Союз возрождения родословных традиций, г. Москва), член НИРО (Новосибирское историко-родословное общество, г. Новосибирск), E-mail: gen-evs@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ТОМСКОЙ ЕПАРХИИ К ЕДИНОВЕРИЮ (НА ПРИМЕРЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ПРИХОДА В СЕЛЕ УСТЬЯНЦЕВО КАИНСКОГО УЕЗДА)

Аннотация. В статье проанализирован процесс постепенного перехода крестьян-старожилов сибирской деревни в старообрядчество в конце XVIII – начале XIX вв. и их последующее присоединение к единоверию. В качестве объекта исследования выбрано крестьянское общество села Устьянцево Каинского уезда, где в 1836 г. был открыт первый в Томской епархии единоверческий приход. Изучены особенности делопроизводства и принятия решений по уголовным делам о старообрядцах, прослежены процессы согласования строительства церкви и утверждения единоверческого прихода. Рассмотрены основные мировоззренческие устои, выражавшиеся в последовательном упорстве и стойкости прихожан в вопросах веры. При написании статьи использован широкий круг архивных источников из государственных региональных и федеральных архивов, материалы дореволюционной периодической печати и научные монографии.

Ключевые слова: Единоверие, Устьянцево, старообрядцы, раскольники, Каинский уезд, Нижне-Каинская волость, епископ Агапит, Святейший Синод, Томская духовная консистория

Dmitry Evgenyevich Evsyukov

Local historian, Master of Economics, member of the SVRT (Union for the Revival of Genealogical Traditions, Moscow), member of the NIRO (Novosibirsk Historical and Genealogical Society, Novosibirsk), E-mail: gen-evs@mail.ru

TO THE ISSUE OF OLD BELIEVERS OF THE TOMSK DIOCESE JOINING TO CO-RELIGIONISTS (ON THE EXAMPLE OF ESTABLISHMENT OF A CO-RELIGIONISTS PARISH IN UST'YANTSEVO VILLAGE OF THE KAINSKII UEZD)

Abstract. The article analyzes the process of gradual transition of the old-timer peasants of a Siberian village to the Old Believers in the late XVIII – early XIX centuries, and their subsequent accession to co-religionists. The peasant society of Ustyantsevo village of the Kainsky district was chosen as the object of research, whereof the first co-religionist parish in the Tomsk eparchy in 1836 was opened. The characteristics of paperwork and decision-making in criminal cases on Old Believers are studied, the processes of coordinating of the church construction and approving of co-religionist parish are traced. The main world outlook foundations expressed in the consistent perseverance and steadfastness of parishioners in matters of faith are considered. While writing the article, a wide range of archive sources from state regional and federal archives, materials of the pre-revolutionary periodical press and scientific monographs were used.

Keywords:Co-religionists, Ust'yantsevo, Old Believers, schismatics, Kainskii uезд, Nizhne-Kainskaya volost', Bishop Agapit, Holy Synod, Tomsk Spiritual Consistory.

Введение

Исследователями истории старообрядчества и единоверия не раз упоминается об учреждении при содействии преосвященного Агапита епископа Томского и Енисейского первых в Томской епархии единоверческих приходов в селах Устьянцево и Секисовском в 1836–37 гг. [1, с. 186; 2, с. 82]. За этой краткой фразой скрывается, с одной стороны, целая череда событий, которые обусловили решение старообрядцев о присоединении к единоверию, а с другой стороны, те последовательные действия, которые им нужно было предпринять и без которых этот переход не смог бы состояться. В первую очередь, это изменения в законодательстве, регулировавшем статус и права старообрядцев, произошедшие в первой половине XIX в., и запустившие ряд уголовных процессов, повлиявших в итоге на их выбор. Это и регулярные поездки сибирских старообрядцев в другие губернии (в первую очередь Пермскую) с целью подбора священников для исполнения необходимых таинств и обрядов, и сопутствующий обмен новостями о последних событиях и настрое властей, а возможно, и координация общих усилий. Наконец, это длившиеся по несколько лет процессы согласования и сопровождавшая их переписка с вышестоящими ведомствами по вопросам церковного строительства и открытия единоверческого прихода.

На примере деревни Устьянцево Каинского уезда Томской губернии предпринята попытка детально разобрать причины постепенного ухода «в раскол» крестьян-старожилов, а также их последующего присоединения к единоверию. Применение в рамках исследования комплексного подхода с привлечением широкого круга источников, в том числе ряда архивных документов, впервые введенных в научный оборот, позволило максимально объективно ответить на поставленные вопросы.

Первое документальное упоминание о деревне «Усьянцовой» относится к 1793 году. В этот год в исповедной ведомости селений, относившихся к Спасской церкви города Каинска, в деревне записано всего три двора, в которых со своими семьями проживали братья Устьянцевы («Усьянцовы»), переселившиеся из деревни Марковой [17, л. 801 об.–803]. В конце XVII – начале XIX вв. здесь появляются еще несколько крестьянских семей из той же деревни, часть из них (например, Устьянцевы и Гутовы) проживали в Марковой еще с 1760-х гг., куда пришли из Чаусского и Сосновского острогов [29, л. 453, 454]. В 1813 г. в Устьянцево появляются семьи Митрохиных и Убоговых, предположительно переселенцы из Оренбургской или Пермской губернии. В 1825 году в деревне уже 10 дворов, а еще через 10 лет — 21 двор [21, л. 565–566; 23, л. 365–366]. Территориально деревня Устьянцево относилась к Нижне-Каинской волости Каинского уезда, жители — государственные крестьяне.

О церковном строительстве в Томской губернии в первой половине XIX в.: православие и единоверие

В XVIII веке на обширных малозаселенных территориях Сибири было широко распространено старообрядчество, приверженцы которого появились здесь уже в первые десятилетия после раскола середины XVII в. В последующие столетия наблюдались несколько миграционных волн, одна из наиболее массовых — во второй половине XVIII века, когда в Сибирь были высланы более 20 тысяч староверов с их семьями [8, с. 68].

Долгое время старообрядцы, как противники официальной церкви, подвергались жестоким репрессиям — ссылке, конфискации имущества и другим мерам, вплоть до смертной казни. В официальных документах старообрядцев называли «раскольниками», а их священников — «расколоучителями», им было запрещено строить свои церкви и часовни. В конце XVIII в. ситуация начала несколько смягчаться — старообрядцам Пермской и некоторых других губерний было даровано право иметь своих священников с дозволением им вести службу по старым обрядам.

Как известно, компромиссное решение по присоединению части старообрядцев к господствующей (никонианской) церкви было реализовано в форме «единоверия» на основании так называемых «пунктов о единоверии» митрополита Платона, утвержденных императором Павлом 27 октября 1800 года. Менее чем через полгода, а именно 06 февраля 1801 года, в дополнение к этому был опубликован указ Синода «О дозволении старообрядцам иметь церкви священников, посвященных от епархиальных архиереев». По данному указу старообрядцы могли открыто придерживаться дониконовских обрядов и совершать богослужения по старопечатным книгам в единоверческих церквях [5, с. 94]. Преследование же старообрядцев, не принявших единоверие, продолжалось вплоть до 1905 г., когда им была дарована относительная свобода в вопросах веры.

В Томской губернии церковное строительство связано с именем епископа Агапита (Вознесенского) — первого епископа Томского и Енисейского, который по прибытии в 1834 г. в только образованную Томскую епархию столкнулся с весьма слабым авторитетом официальной церкви среди населения: «Обозревая в первый же год своего служения епархию, преосвященный Агапит нашел ее в самом безотрадном нравственно-религиозном положении и вместе с тем поражен был большим количеством гнездившихся всюду в ней раскольников и недостатком образованных людей, которые могли бы помогать ему в устройстве новой поместной церкви». При открытии епархии в 1834 году на всем обширном пространстве Томской губернии имелась всего 71 православная сельская церковь [1, с. 180, 182].

Преосвященный Агапит принял решение о необходимости распространения в губернии единоверия. При ежегодном посещении томских сел и деревень он не упускал удобного случая встретиться с раскольниками, чтобы обсудить с ними возможный союз с церковью (также впоследствии поступал и его преемник, преосвященный Афанасий). С разрешения Святейшего Синода Агапитом в 1836–37 гг. были образованы и открыты единоверческие приходы в селах Устьянцевском Каинского округа и Секисовском Бийского округа. Успех этих двух начинаний ободрил епископа на дальнейшие действия в том же направлении. В 1836 году он составил и разослал по епархии: «Братолюбивое послание к всем томским старообрядцам», а в 1837 г. принял решение открыть ещё два единоверческих прихода с храмами: в деревне Дмитрие-Титовской Барнаульского округа и в самом г. Томске. Первый из них был освящён в 1839 г., строительство же Томского храма затянулось до 1844 г.

Местные власти, светское общество и духовенство не поддерживали энергичные попытки епископа Агапита ввести в епархии новые порядки, поэтому уже в 1841 году по собственному прошению архимандрит Агапит был уволен от управления епархией и назначен членом Московской Синодальной конторы [31], а в 1843 г. — настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

С середины XIX в., уже при епископе Афанасии, процесс открытия в епархии новых церквей пошел более быстрыми темпами. К апрелю 1850 г. количество сельских храмов в пределах Томской губернии составило 101, кроме того, имелись несколько походных церквей и 6 единоверческих. В 1854 г. всех церквей в губернии было уже 172, в 1866 г. — 253 (из них 212 сельских и 10 единоверческих), в 1871 г. — 331 [1, с. 183].

Устьянцево в первые десятилетия своего существования: период старообрядчества

Что же происходило в это время в Устьянцево? Вот как описывают те события Томские епархиальные ведомости: «В 20-х годах XIX века по деревням Каинского округа, находящимся с северо-западной стороны озера Чанов, начал распространяться раскол беглоповщинской секты, сеятелями которого были беспаспортные, мнимые священно-иноки Иршских монастырей, будто бы приходившие сюда для сбора милостыни; потом мало помалу стали появляться расколоучители и из среды местных жителей, а также из поселенцев и из вольно-определявшихся сюда старообрядцев российских губерний». Приблизительно в это же время здесь появились староверы поморского согласия, однако их течение не по-

лучило такого распространения [7, с. 4]. Таким образом, «раскольнические» настроения постепенно захватывали умы сибирских крестьян, чему в немалой степени способствовала отдаленное расположение православных церквей, которых, как отмечалось выше, в этот период ещё было очень мало. Этот процесс дошёл и до деревни Устьянцево, находившийся в 25 верстах от Спасской церкви города Каинска — ближайшей на тот момент.

Анализ исповедных ведомостей (росписей) за 1792–1825 гг. [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26], хорошо демонстрирует постепенный отказ крестьян деревни от участия в православных таинствах. Если в первые годы жители Устьянцево посещали исповедь либо в полном составе (1792–1793), либо за исключением некоторых членов семей (1796, 1800 гг. и др.), то в некоторые годы начала XIX в. наблюдается уклонение от участия исповеди большинства жителей Устьянцево (1803, 1805 гг. и др.). В следующее десятилетие процесс усилился: в 1811 г. были на исповеди все, кроме Гутовых, в 1812 г. — не был никто «за нерачением». С появлением в деревне Митрохиных и Убоговых — напротив их имен постоянно стоят отметки об отсутствии на исповеди: «за небрежением не были», «за упрямством», «не брегут о спасении», «за грубостию не были». При этом, если в 1813–1814 гг. коренные поселенцы Устьянцевы и Гутовы продолжали бывать на исповедях, то впоследствии — уже не каждый год. В 1821 г. никто из жителей Устьянцево на исповеди не был, в 1825 г. были только Гутовы.

По-видимому, ключевым фактором отхода жителей деревни от православия стало появление здесь переселенцев-старообрядцев. Как позже писали Томские епархиальные ведомости: «в деревню Устьянцево переехали на жительство несколько семейств единоверцев из Оренбургской и Пермской губерний; в числе последних были люди грамотные и зажиточные» [7, с. 5]. Вероятно, речь идет о семьях Митрохиных и Убоговых, появившихся в Устьянцево в 1813 году, а возможно, прибывших позже Спириных и Кетовых. Как будет показано ниже, именно среди Убоговых, Спириных и Кетовых были члены семей, владевшие грамотой, а семьи Митрохиных были более зажиточными. Что касается Пермской губернии, то там в рассматриваемый период старообрядчество было особо распространено. Именно во дворе одного из переселенцев, Г. Ф. Митрохина, жителями деревни была построена старообрядческая часовня. Она была сооружена на общественные деньги приблизительно в середине 1810-х гг. (в документе 1835 г. отмечается «назад тому около 20 лет» [11, л. 10]). Так, с появлением в деревне старообрядцев их вера укрепилась и среди других жителей Устьянцево, а часовня — будущая церковь — надолго стала центром притяжения для других старообрядцев (впоследствии единоверцев) всего Каинского округа.

В последующие годы притеснение старообрядчества стало постепенно усиливаться. Так, 1822 г. вышел указ, запретивший строительство старообрядческих часовен и церквей: «...которые давно построены, не входить ни в какое дальнейшее рассмотрение и оставлять их без разыскания... вновь же строить не дозволять ни по какому случаю» [9, с. 76]. В том же году при утверждении данного постановления император сделал следующую редакционную поправку: «Все раскольничьи церкви, молитвенные дома и часовни, построенные до 1817 года, оставить неприкосновенными без разыскания; вновь строить запрещено» [6, ч. 2, с. 10]. Таким образом, устьянцевскую часовню удалось сохранить, как построенную ранее 1817 года, а может быть (как знать?...), она была построена позже, потому ее и скрывали от посторонних глаз во дворе Митрохиных...

В 1825 году в правительстве рассматривалось дело о совершении браков, крещении младенцев и других обрядов пермскими старообрядцами. По этому делу, согласно мнению Комитета господ министров от 17.10.1825, утвержденному 09 января 1826 года, местному начальству как в Пермской, так и в других губерниях предписывалось «не входить ни в какие разыскания о тех старообрядцах, которые издавна находятся в сей секте, наблюдали бы только, дабы они никого из православия не совращали в свой раскол» [9, с. 93–94, 97–98].

По-видимому, старообрядцы Устьянцево внимательно следили за происходившими в стране процессами и знали о принятии вышеупомянутого решения по делу пермских ста-

рообрядцев. Поэтому, предвидя возможные гонения («ведая о неудовольствии священно-церковнослужителей градокаинской церкви за непреклонность нашу к убеждениям их быть нам причисленными к грекороссийской церкви ... во избежание могущих воспоследовать от того неприятностей»), жители Устьянцево заблаговременно побеспокоились о получении для себя особого разрешения начальства на совершение обрядов по старообрядческим канонам. Для этого они направили в Томское губернское правление прошение через своего поверенного Петра Спирина.

В своем прошении они объясняли, что «отцы и деды их с давнего времени находились в старообрядстве, ... потому приходские священники треб их не исполняют..., ибо обряды их исполняются по древнему чиноположению». Устьянцевцы просили дать им дозволение совершать таинства через старообрядческого священника Иоанна Михайлова, служившего в Томске при молитвенном доме покойного купца Мыльников, для чего разрешить им отлучаться в Томск, а священнику беспрепятственно приезжать в селения Каинской округи [27, л. 9].

Такое разрешение было выдано им Томским губернским правлением 10 августа 1826 года за № 151 Каинскому земскому суду было предписано, чтобы «просителям в отлучке для исполнения по старообрядческим обрядам треб в Томске по надлежащим письменным видам ... не было ни малейшего задержания и стеснения», а священнику И. Михайлову не воспрещалось приезжать в Каинский округ; требовалось только следить, чтобы они не склоняли никого из православия к переходу в свою веру [27, л. 9 об.]. Каинский земской суд разослал это решение по всем волостям округа 23.09.1826.

Но даже получение такого разрешения не уберегло устьянцевцев от неприятностей. Узнав из отношения Тобольской духовной консистории от 26 августа 1829 года, что в некоторых деревнях Каинского округа в течение нескольких лет совершались обряды крещения детей не по православному обычаю, общее управление Томской губернии по секретной части инициировало возбуждение уголовного дела и 25 октября того же года за подписью томского гражданского губернатора направило Каинскому земскому исправнику предписание: «удостовериться секретным образом» когда и кем они были крещены, а также выяснить место нахождения священника, совершившего данные таинства, «стараясь все сие исполнить без всякой тревоги между поселениями».

В приложенном реестре «крестьянским разных деревень Каинского округа младенцам, крещеным по староверческому обряду» были приведены имена 10 детей в возрасте от 1 до 4 лет, родившиеся в деревне Устьянцево в семьях Устьянцевых и Митрохиных, а также 6 детей крестьян деревень Кирзинской, Зюзинской и Казанцевой. Каинский земский исправник Цитович выполнил поручение томского начальства более чем через год. 10 ноября 1830 года жители Устьянцево на его расспросе сослались на вышеупомянутое разрешение и сообщили: «ныне содержим веру предков наших, обратили и обращаем детей наших в веру христианскую чрез бывшего в городе Томске старообрядческого священника Ивана Михайлова», а также других священников, живущих в Екатеринбурге. Под показаниями неграмотных Устьянцевых и Митрохиных подписались Л. Кетов и Н. Убогов [27, л. 6].

13 ноября Цитович запросил в каинском земском суде копию разрешения и отчитался томскому губернатору. Поскольку в рассматриваемый период Каинский округ по духовному ведомству относился к Тобольской епархии, томский гражданский губернатор 12 декабря направил данное следственное дело на дальнейшее рассмотрение в Тобольскую духовную консисторию. 15 мая следующего 1831 года дело было заслушано в консистории, на что вынесено постановление: «велеть Тарскому духовному правлению дабы оное прописало Каинским священно-церковнослужителям с таковыми людьми ... обходиться духом кротости, всякие их требы, ежели пригласят, исполнять неукоснительно, вымогательств за требы их не делать, и не притеснять, и во всем вести себя в рассуждении их, благочревно и острожно». 18 мая архиепископ Тобольский и Сибирский Евгений утвердил данное постановление, а 30 мая соответствующее уведомление направлено томскому гражданскому губернатору для исполнения.

Что любопытно, еще одно подобное дело в тот же период рассматривалось по факту совершения обряда венчания не по православным канонам (в том числе и в отношении крестьянина деревни Устьянцево). Об этом 08 июля 1828 года в Тарское духовное правление донес Каинский благочинный священник Алексей Кайдалов. Он обнаружил, что сын Н. Д. Убогова, Василий, венчан в старообрядческой часовне г. Томска вышеупомянутым священником И. Михайловым. Причем венчание его старшего сына Андрея состоялось ранее в градокаинской Спасской церкви [28, л. 2]. Факт венчания первого сына Убоговых в православной церкви еще раз иллюстрирует ранее сформулированный тезис о том, что уход жителей Устьянцево в старообрядчество был постепенным.

Рассмотрение этого дела происходило гораздо дольше (в течение пяти лет!) и по несколько иному сценарию: Тарское духовное правление — Тобольская консистория — Томское губернское правление — Каинский уездный суд — Томский окружной суд — Томский губернский суд — Комитет господ министров. В результате летом 1832 г. дело легло на стол самого министра внутренних дел, после чего комитет министров в декабре постановил «ни в какие суждения не входить и подсудимых по сему делу крестьян оставить без дальнейшего преследования». На этом основании в июле 1833 г. Тобольской духовной консисторией дело было закрыто. Так староверам Устьянцево удалось отстоять свои убеждения и сохранить приверженность своей вере.

Из «раскола» в единоверие: постройка церкви

Как отмечали Томские епархиальные ведомости, «когда в здешней местности не стало беглых священников, то обязанность по исправлению треб пала на долю местных расколуучителей; последние, присвоив себе это право, распространяют среди своей паствы учение, что будто бы они приняли благословение и стали исправлять требы — от беглых священников» [7, с. 4]. Одно время «исправщиком» (исполнителем) треб был Л. Г. Кетов, который переселился в Устьянцево между 1825 и 1830 гг. из Шадринского уезда Пермской губернии. Он ездил по деревням, населенным старообрядцами, и совершал необходимые обряды. Приблизительно в 1830-е гг. в деревне появляется поселенец Ф. П. Троицкий, который также взял на себя эту функцию, после чего у них даже был конфликт на этой почве, ярко описанный газетой.

Во время правления Николая I гонения на старообрядцев усилились. Они утратили льготы, предоставленные им прежними царями: снова были лишены прав гражданства, почти окончательно лишены священства и возможности открыто совершать богослужение [6, ч. 1, с. 21]. 10 мая 1827 года Комитетом министров старообрядческим священникам было запрещено переезжать между уездами («признавая неприличным дозволять таковые переходы раскольническим священникам для исправления треб из уезда в уезд, а тем более из губернии в губернию»), а иначе предписано было «поступать с ними, как с бродягами» [9, с. 106, 111]. Через три месяца (07 августа 1827 года) старообрядцам разрешили запрашивать священников только от епархиальных архиереев, при этом «иных священников иметь не дозволяется», а еще через три месяца (08 ноября 1827 года) запретили принимать беглых священников.

Жители Устьянцево понимали все возрастающие риски своего положения. Уже упомянутые переселенцы из Пермской и Оренбургской губернии, «сознавая, что без церкви и священства спастись невозможно, начали предлагать прочим старообрядцам, испросить дозволение духовного начальства, построить в д. Устьянцевой единоверческую церковь». Устьянцевцы снабдили своего уставщика Кетова деньгами и направили его в г. Екатеринбург Пермской епархии для поиска священника. Однако тот вернулся через полтора месяца, не исполнив поручения, объяснив это так: «пока ещё благословили меня исполнять нужнейшие требы». Тогда к делу подключился богатый крестьянин М. Е. Митрохин (позже купец 3-й гильдии г. Каинска). Он сам поехал в Екатеринбург и вскоре привез в Устьянцево священника, отца Григория [7, с. 5].

Сведений о том, как долго священник Григорий отправлял службы в Устьянцево, не выявлено. Предположительно, этот случай произошел ближе к середине 1830-х гг., так как известно, что впоследствии в церкви хранились копии метрических книг и исповедных росписей с 1834 г. — следовательно, первый официально направленный священник служил здесь ориентировочно с 1834 г. А уже приблизительно в начале 1835 г. старообрядцы Устьянцево испрашивали для себя у Пермского епархиального начальства единоверческого священника Павла Вавилова. Об этом в апреле того же года узнал епископ Томский и Енисейский Агапит, по поводу чего вошел в переписку с архиепископом Пермским и Верхотурским Аркадием, а в июне просил у него прислать в Томск через назначенного священника Вавилова антиминос древнего освящения для предложенной к постройке в Устьянцево единоверческой церкви [4, с. 3].

Однако вскоре священник Вавилов отказался от исполнения своих обязанностей. Об этом «с душевным прискорбием объявили» устьянцевские старообрядцы, прибывшие в конце августа 1835 г. к Шадринскому городскому главе и попечителю Сосновской единоверческой церкви купцу Зоту Черепанову. Судя по всему, Черепанов и ранее содействовал им в сношениях с Пермским епархиальным начальством по вопросу предоставления священников. Возможно, этому способствовали прежние связи Л. Г. Кетова, который несколько лет назад переселился в Сибирь из села Сосновского.

По результатам этого визита 1 сентября того же года старообрядцы Каинской округи через того же поверенного Кетова направили прошение на имя архиепископа Пермского и Верхотурского Аркадия. Они просили командировать к ним из Пермской епархии другого единоверческого священника хотя бы «на срок времени пребывания месяцев на шесть для исправления необходимо самонужнейших христианских треб, как то: крещение младенцев и бракосочетания и исповедания и причащения и умерших должного напутствования». Кроме того, они уверяли, что «во обращении в местах наших заблуждающихся раскольников может быть самой вернейший успех». В качестве возможного кандидата указывали на старообрядческого священника Спасской церкви города Екатеринбурга Андрея Попова, который уже бывал у них и изъявил своё согласие на переезд. Старообрядцы обязались содержать «его и семейство ... безбедно с отводом приличной ему квартиры», а также оплатить проезд в обе стороны [30, л. 5–5 об., 7–7 об.].

14 сентября епископ Аркадий отправил письмо томскому епископу Агапиту, в котором подтвердил готовность отпустить Андрея Попова в Устьянцево и просил, чтобы по приезду в Томскую епархию местное начальство оказало ему необходимое содействие в сношениях с раскольниками. 25 сентября дело было окончательно рассмотрено в Пермской консилии — командировка священника была утверждена, решено было выдать ему потребное количества мира, метрическую книгу и один древний святой антиминос для единоверческого храма. 26 сентября Аркадий подал об этом соответствующий рапорт в Синод.

Нужно отметить, что в то время часовня в Устьянцево состояла из трех комнат и была тесновата для совершения богослужений. Поэтому, готовясь к приезду священника, уже летом решено было пристроить к ней еще одну комнату в виде алтаря с особым горнем местом для свободного предстояния священника. Осенью прихожане Устьянцева осознали, что без получения надлежащего высочайшего разрешения на такую перестройку они не обойдутся (возможно, это подсказал им кто-то из священников или сам Черепанов), поэтому затеяли формальную переписку, чтобы после пристройки алтаря обратить свой молитвенный дом в единоверческую церковь.

6 октября они сообщили Черепанову, что «присоединение к их приходу блуждающих раскольников продолжается успешно», поэтому они как можно скорее желают пристроить к часовне алтарь и устроить в деревне церковь. Все необходимые материалы для этого подготовлены, так что можно закончить перестройку до зимы, а в декабре они уже надеются освятить церковь. На следующий день, 7 октября, Кетов направил соответствующее прошение и Томскому епископу Агапиту [30, л. 3–3 об.].

18 октября Агапит сообщил об этом в Святейший Синод. В своем доношении он помимо прочего просил дозволения «допустить некоторое отступление от планов и фасадов церквей православных» с тем, чтобы иметь возможность обращать молитвенные дома или часовни в единоверческие церкви без предварительного представления Святейшему Синоду. То есть, епископ решил запросить не столько разрешение на строительство церкви в Устьянцево, сколько получить для себя более широкие полномочия для принятия самостоятельных решений и в отношении других старообрядцев в подобных ситуациях.

Что касается Черепанова, то он сообщил о просьбе старообрядцев своему епископу Аркадию только через месяц, 7 ноября, прося «не оставить отдаленных добрых сибиряков» без покровительства. Аркадий в тот же день направил свое второе доношение в Синод, в котором, сообщил о желании старообрядцев Устьянцево после получения разрешения от своего епархиального начальства скорейшим образом завершить перестройку часовни и освятить церковь.

После получения этих прошений от пермского и томского епископов, дело об открытии в Устьянцево единоверческого прихода с обращением часовни в единоверческую церковь было рассмотрено Синодом на двух заседаниях — 25 ноября и 23 декабря. Перестройка деревянной часовни в церковь была разрешена, при этом проект велено было подготовить через губернского архитектора «приспособительно к понятиям и желанию просителей». В остальном Агапиту предписывалось при основании других единоверческих церквей каждый раз испрашивать на это разрешение Синода, а кроме того, «поставить преосвященному в правило, дабы впредь выходить с представлениями в Святейший Синод более полными и ясными и не смешивать в одном представлении несколько различных предметов, при том присоединять всегда и свое на законных основаниях мнение» [30, л. 13–14].

Между тем, местное начальство в Каинске о решении Синода и обо всей вышеупомянутой переписке еще ничего не знало (как, по-видимому, и губернное гражданское начальство), а надлежащего разрешения на перестройку часовни в церковь пока получено не было. Поэтому, узнав о перестройке «из частных слухов», исполняющий обязанности Каинского земского исправника г-н Федосеев в начале декабря того же года поспешил доложить об этом факте и. о. томского гражданского губернатора — председателю томской гражданской палаты М. О. Деодату. На этот рапорт из Томска последовало указание провести соответствующее исследование, а именно собрать подробные сведения о часовне и о самих старообрядцах: «к какой секте принадлежат раскольники, живущие в деревне Устьянцевой, вся ли сия деревня населена ими или есть православного исповедания жители, и много ли вообще раскольников в Нижне-Каинской волости». Доложить об этом необходимо было «сколь возможно поспешнее» [11, л. 1–7].

В ходе проведенного в декабре обследования часовни выяснилось, что из нее вынуты окна, сняты ставни, к одной из комнат с восточной стороны пристроена трехстенная комната в виде алтаря с двумя окнами, в которой настлан пол и потолок и сделано отверстие для утверждения иконостаса, а на полу старой комнаты — возвышение в виде амвона. На крыше старой часовни и пристройки возведены два новых деревянных купола без крестов. Изнутри все комнаты были уже отделаны, но окна еще не вставлены, а все образа из часовни вынесены в дом крестьянина Ф. Г. Митрохина, у которого и отправлялись богослужения (часовня была построена во дворе его уже умершего отца).

Митрохин показал, что «на означенную пристройку к часовне он и общество ни от какого начальства позволения не имело, да испрашивать по простоте свой не считало нужным, тем более что священник был прислан к ним от архиерея». Выборный от деревни Ф. Г. Кетов также пояснил, что в волостное правление «по простоте своей не доносил, да и почитал сие не нужным». То же самое подтвердили и другие жители села; под их показаниями стоят подписи П. Спирина и Н. Убогова. Нижне-Каинский волостной голова С. В. Свиридов и волостной староста Д. Г. Толчеин показали, что о пристройке не знали [11, л. 9–12].

В результате Каинский земской исправник принял решение о приостановке строительства до выяснения всех обстоятельств дела. Между тем в процессе данного разби-

рательства в конце декабря епископ Агапит уведомил и. о. томского гражданского губернатора о том, что поверенный от единоверцев Каинского округа Кетов, еще 7 октября просил дозволения перестроить их часовню в единоверческую церковь, а теперь снова обратился в духовную консисторию с жалобой, что они ждут скорейшего решения по этому вопросу для свободного богослужения священнику Андрею Попову, уже прибывшему из Пермской епархии. В январе 1836 г. аналогичное обращение было направлено в Томск и из Пермской духовной консистории.

Наконец, в феврале 1836 г. обо всех деталях этого дела было доложено генерал-губернатору Западной Сибири. Земскому исправнику был объявлен выговор, а волостное начальство, включая волостного голову, старосту и писаря, были вызваны в земской суд, в присутствии которого им был также объявлен строжайший выговор, а на будущее предписано при исполнении своих обязанностей быть осмотрительными [11, л. 25–31].

Что же касается вышеупомянутого решения Святейшего Синода, то оно было утверждено только 13 марта 1836 г. (подписано в том числе митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Серафимом и митрополитом Московским Филаретом), а указ об этом отправлен в Томск 16 марта за № 2875 [30, л. 13–14].

Приход Николаевской церкви — первый шаг к образцовой церкви епархии

Вскоре перестройка часовни была завершена, храм освящен, и в Устьянцево образовался единоверческий приход с церковью во имя святителя Николая. Нужно сказать, что старообрядцы села Секисовского, которые также при содействии епископа Агапита просили Святейший Синод о дозволении им устроить единоверческую церковь из местной часовни, получили разрешение на строительство своего храма даже раньше устьянцевских (указ св. Синода от 21 февраля 1836 года), однако построен и освящен он был примерно на полтора года позже — в октябре 1837 г. [1, с. 185]. Таким образом, Николаевская церковь в селе Устьянцево по праву может считаться первым в Томской губернии единоверческим храмом.

При открытии прихода всего единоверцев в Нижнекаинской волости числилось 259 душ мужского и 282 женского пола, а с учетом других близлежащих волостей прихожан в Николаевской (Никольской) церкви на первых порах было до 1200 человек [11, л. 28]. В последующие годы в церкви регистрировались рождения, браки и смерти крестьян самых разных селений соседних волостей, уездов и даже губерний. Причём география эта расширялась с каждым годом. Ниже приведен неполный список населенных пунктов, из которых единоверцы приезжали в Устьянцево венчаться и крестить младенцев в 1841–1845 гг. [10, 12, 13, 14, 15, 16].

Каинский округ: Нижнекаинская волость (д. Булатова, д. Верхнеичинская, д. Мошнина, д. Овечкина, д. Толчина, д. Яркова), Вознесенская волость (д. Байбулатова, д. Земляная заимка, д. Сарбалыцкая, д. Щеглова), Казанская волость (д. Бадашкова, д. Бехтенская, д. Голдобина, д. Долгоозерная, с. Зюзинское, д. Казанцева, д. Кожевникова, д. Круглозерная, д. Новокрасулина, д. Новорозина, д. Новояркова, д. Розина, д. Сухопутная, д. Таганова (Таганская), д. Усть-Тандовская, д. Чистоозерная), Покровская волость (д. Новая, д. Новокондакова, д. Погорельская), Усть-Тартаская волость (д. Каминская, д. Кузнецова, д. Кузовлева, д. Минина, д. Попова заимка, д. Ремова, д. Сибирцева, д. Соскульская, с. Спаское, д. Старый Тартас).

Барнаульский округ: Колундинская волость (д. Батурова, д. Гонохова, д. Кучуцкая, д. Омущая), Малышевская волость (д. Бобровская, д. Кротова, д. Мерещкая), Нижнеколундинская волость (д. Жаркова, д. Нижнегуманская), барнаульские мещане, проживавшие на Сузунском заводе.

Колыванский округ: Бурлинская волость (д. Прыганка), Карасутцкая волость: (д. Бочкарева, д. Горносталева).

Томский округ: Семилужская волость (д. Мальцева).

Омский округ (Тобольская губерния): Юдинская волость (д. Копкульская, д. Кошкульская, д. Зяткова, д. Заозерная, д. Ключикова, д. Пещаная, д. Поперешная, д. Трехозерная); Тарский округ: Баргамацкая волость (д. Розвин).

Как отмечают Томские епархиальные ведомости: «Первоначально единоверцы Устьянцевского прихода весьма гнушались православною греко-российскою церковью, ее священнослужителями и таинствами и нисколько не отличались в этом отношении от раскольников. В православную греко-российскую церковь для молитвы не ходили, таинств от православных священников не принимали, из одних сосудов с православными пищи не принимали. Бывало, уставщик заметит в церкви постороннего человека, молящегося троеперстно, прикажет ему сейчас выйти вон из церкви, или же стоять и не молиться. Первые местные священники против такого самоуправства своих прихожан почему-то не восставали, вероятно потому, чтобы не оттолкнуть их снова в раскол; один из священников, говорят, много делал по духу своих прихожан, так, он часто выстригал у мужчин скобку над глазами и расчесывал на голове ряд по раскольническому обычаю; за это прихожане его любили больше других священников. Такие отношения Устьянцевских единоверцев к православным существовали почти до пятидесятих годов XIX в.» [7, с. 6–7].

Действительно, такое формальное присоединение старообрядцев к единоверию в рассматриваемый период характерно для многих приходов Томской губернии. Старообрядцы зачастую под нажимом властей были вынуждены обращаться в единоверие, опасаясь ссылки и других санкций, поэтому впоследствии в таких приходах наблюдалось много случаев «отпадения» от единоверия [3, с. 86]. Тем удивительнее тот факт, что устьянцевская церковь во второй половине XIX века становится, по сути, образцовой единоверческой церковью во всей Томской епархии. В конце XIX века уже новую Успенскую церковь (прежняя Николаевская церковь сгорела во время пожара, и вместо нее на новом месте была выстроена и в 1851 г. освящена новая) неоднократно приводили в пример по результатам визитов епархиального начальства. Сами же прихожане свою устойчивость в единоверии ставили себе даже в заслугу, указывая, что их «храм процветает противу не только других единоверческих, но и православных церквей» [1, с. 214].

Заключение

Таким образом, на примере единоверческого прихода села Устьянцево Каинского уезда Томской губернии рассмотрены основные причины и необходимые условия для присоединения сибирских старообрядцев к единоверию. Показан непростой путь по узакониванию старообрядческих канонических законов через присоединение к единоверию. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что сохранению единоверческого прихода и превращению его в образцовый во всей епархии способствовало особое мировоззрение прихожан, проявившееся в устойчивости их убеждений и стойкости в своей вере.

Список использованных источников и литературы

1. Беликов Д. Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901. 248 с.
2. Ильин В. Н. «Единоверие» в Томской губернии // NovalInfo.Ru. 2017. № 65. С. 82–84.
3. Ильин В. Н. Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2012. № 4-2 (76). С. 85–91.
4. К вопросу о состоянии единоверия в Сибири // Томские епарх. вед. 1884. №8, отд. неоф. С. 1–14.
5. Кауркин Р. В., Павлова О. А. Единоверие в России (от зарождения идеи до начала XX века). СПб.: Алетейя, 2011. 200 с.

6. Кожурин К. Я. Культура русского старообрядчества (XVII–XX вв.): В 2-х ч. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та экономики и финансов. Ч. 1. 2007. 139 с., Ч. 2. 2010. 148 с.
7. О двух единоверческих приходах Томской епархии // Томские епарх. вед. 1889. №15, отд. неоф. С. 4–8.
8. Рябцева В. А. Миграционные потоки старообрядцев в Западную Сибирь // Вестн. КемГУКИ. 2013. № 24. С. 63–72.
9. Собрание постановлений по части раскола (СПЧР). СПб., 1858. 772 с.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 54.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 40.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 87.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 123.
14. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 132а.
15. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 221.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 10. Д. 22.
17. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 83.
18. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 92.
19. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 96.
20. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 111.
21. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 139.
22. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 157.
23. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 169.
24. ГАТО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 217.
25. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 12.
26. ГАТО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 14.
27. Государственный архив Тюменской области в Тобольске (ГАТО в Тобольске). Ф. И156. Оп. 11. Д. 235.
28. ГАТО в Тобольске. Ф. И156. Оп. 11. Д. 381.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 4030.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 116. Д. 903.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 902.
32. РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 744.

REFERENCES

1. Belikov D.N. The Tomsk split: A historical essay from 1834 to the 1880s. Tomsk, 1901. 248 pp.
2. Il'in V.N. «Co-belief» in Tomsk province // NovalInfo.Ru. No. 65. 2017. pp. 82–84.
3. Il'in V.N. Co-belief in the XIX century on the territory of the Tomsk province / / Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No. 4-2 (76). pp. 85–91.
4. On the question of the state of Co-belief in Siberia // Tomskie eparkh. ved. 1884. #8, отд. neof. pp. 1–14.
5. Kaurkin R.V., Pavlova O.A. Co-belief in Russia (From the origin of the idea to the beginning of the XX century). St. Petersburg: Aleteiya, 2011. 200 pp.

6. Kozhurin K.Ya. Culture of the Russian old believers (XVII–XX c.). In 2 parts. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta ekonomiki i finansov. Part 1. 2007. 139 pp., Part 2. 2010. 148 pp.
7. About two co-belief parishes of the Tomsk diocese / / Tomskie eparkh. ved. 1889. #15, otd. neof. pp. 4–8.
8. Ryabtseva V.A. Migrating streams of old believers to Western Siberia // Vestnik KemGUKI. No. 24. 2013. pp. 63–72.
9. Collection of resolutions on the part of the split. St. Petersburg, 1858. 772 pp.
10. The state archive of the Novosibirsk region (GANO). F. D-156. Op. 1. D. 54.
11. The state archive of the Tomsk region (GATO). F. 3. Op. 4. d. 40.
12. GATO. F. 170. Op. 9. D. 87.
13. GATO. F. 170. Op. 9. D. 123.
14. GATO. F. 170. Op. 9. D. 132a.
15. GATO. F. 170. Op. 9. D. 221.
16. GATO. F. 170. Op. 10. D. 22.
17. GATO. F. 173. Op. 1. D. 83.
18. GATO. F. 173. Op. 1. D. 92.
19. GATO. F. 173. Op. 1. D. 96.
20. GATO. F. 173. Op. 1. D. 111.
21. GATO. F. 173. Op. 1. D. 139.
22. GATO. F. 173. Op. 1. D. 157.
23. GATO. F. 173. Op. 1. D. 169.
24. GATO. F. 173. Op. 1. D. 217.
25. GATO. F. 264. Op. 1. D. 12.
26. GATO. F. 264. Op. 1. D. 14.
27. The state archive of the Tyumen region in Tobolsk (GATO in Tobolsk). F. I156. Op. 11. D. 235.
28. GATO in Tobolsk. F. I156. Op. 11. D. 381.
29. Russian state archive of ancient acts (RGADA). F. 350. Op. 2. D. 4030.
30. Russian state historical archive (RGIA). F. 796. Op. 116. D. 903.
31. RGIA. F. 796. Op. 121. D. 902.
32. RGIA. F. 796. Op. 122. D. 744.